

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № .2 (109). С. 225-234.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no.2. (109). P. 225-234.

**5.1.4. Уголовно-правовые
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.132

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.75.17.019

**ГАРАНТИИ ПРАВ УЧАСТНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ,
СОПРЯЖЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ФИЗИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ**

Молунова Наталья Игоревна

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация,
nmolunova@yandex.ru

Введение. Реализация прав участников уголовного судопроизводства зависит от качества нормативно-правового закрепления системы гарантий этих прав, а также эффективности деятельности органов расследования по обеспечению и соблюдению последних. Реалии производства следственных действий, обладающих принудительным потенциалом, характеризуются высокой степенью сложности и возможностью значительного ограничения прав их участников, что в свою очередь требует закрепления системы условий и средств, обеспечивающих соблюдение прав участников следственных действий. Автор анализирует правовое закрепление гарантий прав участников следственных действий, сопряженных с применением мер физического воздействия, рассматривает проблемы их реализации. Актуальность исследуемого вопроса обуславливается практической необходимостью в исключительных случаях применения мер физического воздействия, однако в отсутствие должной регламентации в том числе и гарантий прав участников следственных действий правоприменители сталкиваются с проблемами реализации данной процедуры.

Материалы и методы. В рамках настоящего исследования нормативно-правовую основу составили положения: Конституции Российской Федерации, уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, иных нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы применения мер физического воздействия в уголовном судопроизводстве, и реализация гарантий прав участников следственных действий, а также диссертационные исследования и другие научные работы, посвященные рассматриваемой проблеме.

При написании статьи автором использован комплекс формально-логических методов, а также социологический метод, примененный при анкетировании респондентов, анализ законодательства.

Результаты исследования. В рамках исследования отражены проблемы, возникающие в практической деятельности вследствие недостаточной регламентации гарантий прав участников следственных действий, сопряженных с применением физического принуждения. По результатам исследования предложены возможные пути их решения.

Выводы и заключения. Проведенное исследование подтвердило актуальность рассматриваемых проблем и необходимость дальнейшего исследования вопросов регламентации применения физического принуждения при производстве следственных действий с целью обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. Отмечается необходимость регламентации процессуальной формы применения мер физического воздействия при производстве следственных действий, а также конкретизация отдельных положений уголовно-процессуального закона для установления системы гарантий прав участников следственных действий, сопряжённых с применением физического принуждения с целью обеспечения законного ограничения их права на неприкосновенность личности.

Ключевые слова: следственные действия, физическое принуждение, гарантии прав участников уголовного судопроизводства, меры принудительного воздействия

Для цитирования: Молюнова Н. И. Гарантии прав участников следственных действий, сопряженных с применением физического принуждения / Н.И. Молюнова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 2 (109). С. 225-234.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.75.17.019

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

GUARANTEES OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN INVESTIGATIVE ACTIONS INVOLVING THE USE OF PHYSICAL COERCION

Natalia I. Molunova

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk,
Russian Federation

nmolunova@yandex.ru

Introduction: The realisation of the rights of participants in criminal proceedings depends on the quality of normative-legal consolidation of the system of guarantees of these rights, as well as the effectiveness of the investigative bodies in ensuring and observing the latter. The realities of investigative actions with coercive potential are characterised by a high degree of complexity and the possibility of significant restrictions on the rights of their participants, which in turn requires the consolidation of a system of conditions and means to ensure the observance of the rights of participants in investigative actions. The author analyses the legal enshrinement of guarantees of the rights of participants of investigative actions involving the use of measures of physical influence, considers the problems of their implementation. The relevance of the issue under study is determined by the practical necessity in exceptional cases of application of measures of physical influence, but in the absence of proper regulation, including guarantees of the rights of participants of investigative actions, law enforcers face problems with the implementation of this procedure.

Materials and Methods: Within the framework of the present study, the normative-legal basis was formed by the provisions of: the Constitution of the Russian Federation, criminal procedural legislation of the Russian Federation, other normative-legal acts regulating the issues of the use of measures of physical influence in criminal proceedings, and the implementation of guarantees of the rights of participants of investigative actions, as well as dissertation research and other scientific works devoted to the problem under consideration.

When writing the article the author used a set of formal and logical methods, as well as sociological method applied in the survey of respondents, analysis of legislation.

The Results of the Study: The study reflects the problems arising in practice due to insufficient regulation of guarantees of the rights of participants of investigative actions involving the use of physical coercion. Based on the results of the study, possible ways of their solution are proposed.

Findings and Conclusions: The conducted research has confirmed the relevance of the problems under consideration and the need for further study of the issues of regulation of the use of physical coercion in the production of investigative actions in order to ensure the rights of participants in criminal proceedings. It is noted the need to regulate the procedural form of application of physical coercion measures in the production of investigative actions, as well as the concretisation of certain provisions of the criminal procedure law to establish a system of guarantees of the rights of participants of investigative actions involving the use of physical coercion in order to ensure the lawful restriction of their right to inviolability of the person.

Keywords: investigative actions, physical coercion, guarantees of the rights of participants in criminal proceedings, coercive measures.

For citation: Molunova N.I. Garantii prav uchastnikov sledstvennyh dejstvij, sopryazhennyh s primeneniem fizicheskogo prinuzhdeniya [Guarantees of the rights of participants in investigative actions involving the use of physical coercion]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 2 (109), pp.225–234.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.75.17.019

Для обеспечения нормального хода уголовного судопроизводства законодатель допускает применения принудительных мер, среди которых отдельное место занимают меры физического воздействия при производстве следственных действий. Применение физического принуждения в уголовном судопроизводстве обуславливается практической необходимостью, продиктованной характером уголовно-процессуальных отношений. Специфика которых заключается в субъектном составе, где одной из сторон выступает государственный орган или должностное лицо, наделенные властными полномочиями, что придает рассматриваемым отношениям властно-распорядительный характер. Без властного начала в уголовно-процессуальных отношениях не будет движения производства по уголовному делу и реализации назначения уголовного судопроизводства [1, с. 27]. Публично-правовая характеристика последних неизбежно приводит к столкновению интересов и возникновению конфликтов между участниками уголовного судопроизводства.

Зачастую следственная ситуация, сопряженная с оказанием противодействия со стороны участников следственного действия, вызывает необходимость в качестве средства его преодоления и разрешения уголовно-процессуального конфликта использовать меры физического воздействия. Вопрос о возможности применения физического принуждения, как в уголовном судопроизводстве в целом, так и при производстве отдельных следственных действий не раз становился предметом научных дискуссий [3; 5; 6].

К настоящему времени научное сообщество достигло консенсуса и признало допустимым использование при производстве следственных действий физического принуждения¹.

Разрешительный тезис о возможности подтверждается в том числе и отдельными положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – УПК РФ). Например, в нормах ст. 182 УПК РФ и ст. 184 УПК РФ усматривается возможность принудительного производства обыска и выемки, ст. 202 УПК РФ устанавливает пределы возможного уровня принуждения при получении образцов для сравнительного исследования, принудительный характер освидетельствования и возможность применения физической силы при его производстве подтверждается положениями ст. 179 УПК РФ.

Законодательно закрепленное разрешение на использование принудительных мер при производстве следственных действий нельзя категорично признавать негативным, считать противоречивым и пробельным. Деятельность органов расследования априори сопряжена с легальным использованием принудительных мер, призванных обеспечивать назначение уголовного судопроизводства.

В частности, результаты анкетирования должностных лиц следственных и оперативных подразделений из разных регионов страны подтверждают, что при расследовании уголовного дела отдельные следственные действия могут производиться с применением мер физического воздействия. Так, 51,5 % опрошенных подтвердили, что в своей профессиональной деятельности при производстве следственных действий, для обеспечения порядка их производства и процесса доказывания им самостоятельно приходилось применять меры физического воздействия (физическое принуждение). Чаще всего это такие следственные действия как обыск, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования.

Вместе с тем в открытых вопросах анкеты, респондентами указано, что по причине отсутствия закрепленного порядка (процессуальной формы) применения мер

¹ Несмотря на признание самой возможности применения мер физического воздействия в уголовном судопроизводстве, законодательно до настоящего времени не закреплена процессуальная форма процедуры применения физического принуждения, что в свою очередь приводит к ряду процессуальных и организационных проблем практикоориентированного характера. Наиболее подробно об этом говорится в предыдущих работах автора, посвященных вопросам применения физического принуждения в уголовном судопроизводстве.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : в послед. ред. : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 28.09.2023). Режим доступа: свободный.

физического воздействия в уголовном судопроизводстве должностные лица испытывают неуверенность в правильности своих действий и зачастую отказываются от использования этого средства обеспечения производства следственного действия, что негативно сказывается на процессе доказывания³.

Нельзя не признать, что производство принудительных следственных действий в условиях несовершенной правовой регламентации применения мер физического воздействия в уголовно процессуальной деятельности связано с немалыми рисками необоснованного ограничения прав, законных интересов участников уголовного процесса.

Подтверждением этому служит тот факт, что на протяжении многих лет из общего объема поступающих жалоб в Европейский суд по правам человека (до 2022 г.) были жалобы о нарушении прав участников следственных действий связанные с превышением допустимого принуждения⁴, подобная тенденция находит отражение и в жалобах к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации по поводу защиты прав человека в уголовном судопроизводстве⁵.

В сложившейся ситуации одной из приоритетных задач, стоящих перед правоприменителем при производстве следственных действий, сопряженных с применением физического принуждения, является обеспечение законного ограничение прав его участников, а не их нарушение, что находит отражение в положениях основного закона государства.

В соответствии с положениями ст. 2 Конституции Российской Федерации «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства». Вместе с тем основной закон государства в исключительных случаях устанавливает возможность ограничения конституционных прав в пределах, установленных федеральным законом (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации).

В условия возможности применения мер принудительного характера к участникам следственных действий их права надлежащим образом могут быть обеспечены только при установлении и реализации правовых гарантий. Анализ специальной юридической литературы позволяет сделать вывод, что гарантии прав участников уголовного судопроизводства находят юридическое закрепление в нормах закона и внешне могут быть выражены в виде принципов, отдельных уголовно-процессуальных норм, закрепляющих обязанности участников судопроизводства,

³ Респондентами исследования выступили более 700 сотрудников следственных и оперативных подразделений ОВД из 76 регионов Российской Федерации.

⁴ Обобщение практики и правовых позиций международных договорных¹ и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (обновлено по состоянию на 1 ноября 2020 года) : официальный сайт // URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/29487/ (дата обращения: 25.09.2023). Режим доступа: свободный.

⁵ Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год : официальный сайт // URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady> (дата обращения: 25.09.2023). Режим доступа: свободный.

процессуальную форму, порядок производства процессуальных действий, систему проверки законности и обоснованности процессуальных действий и решений [4, 7].

Анализ положений УПК РФ позволяет отнести к числу гарантий отдельные нормы закона.

Норма-принцип, закрепленная в ст. 9 УПК РФ устанавливает запрет на применение пыток, насилия, жестокого и иного унижающего честь и достоинство обращения в уголовном судопроизводстве, тем самым очерчивает границы допустимых пределов применения мер физического воздействия. Несмотря на международно-правовой и конституционный характер данного принципа, в рамках его реализации возникает справедливый вопрос, что понимается под терминами «пытка», «насилие», «жестокое обращение», «обращение унижающее человеческое достоинство». Нормативно закрепленные определения этих терминов не позволяют однозначно определить грань перехода допустимого физического принуждения в пытку или насилие, так как в них используются термины субъективно-оценочного характера. Например в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания⁶, «пытка» определяется, как «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия». Вместе с тем использование в определении таких понятий как сильная боль, физическое страдание не позволяет конкретизировать это определение и придает ему субъективно-оценочный характер, так как каждым лицом сила боли, страдания оценивается субъективно. Аналогичное определение в 2022 году было введено в ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации⁷, предусматривающую ответственность за превышение должностных полномочий. Кроме того, установлено, что не является пыткой причинение физических или нравственных страданий, которые возникают в результате правомерных действий должностного лица или другого лица либо неизбежно сопряжены с такими действиями. В упомянутой статье УК РФ фигурирует и термин «насилие», однако он в свою не имеет нормативного закрепление.

⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329089/ (дата обращения: 26.09.2023). Режим доступа: свободный.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : (в послед. ред.) : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327613/151ef527836f224762951549f9c9c9cdcd53813d/ (дата обращения: 28.09.2023). Режим доступа: свободный.

Представляется, что рассмотренные положения ст. 9 УПК РФ определяют лишь абстрактные рамки возможного предела применения физического принуждения и имеют сложное восприятие и практическое воплощение. Законодатель не определяет ориентиров опираясь на которые правоприменитель мог бы однозначно определять границы допустимых пределов применения физического принуждения при производстве следственных действий. Учитывая допустимость использования физического принуждения (как исключительного средства преодоления противодействия органам расследования) в отечественном уголовном процессе правоприменитель нуждается в четком разграничении допустимого принуждения и пытки, иными словами правоприменителю для обеспечения прав участников уголовного судопроизводства необходимо иметь четкое понимание, когда законное применение мер физического воздействия может перейти в действия, признаваемые пыткой.

Следующее положение гарантирующее соблюдение прав участников следственных действий, это требование, закрепленное в ч. 4 ст. 164 УПК РФ, о необходимости протоколирования хода производства следственного действия: «В протоколе описываются процессуальные действия в том порядке, в каком они производились...». Однако относительно процедуры применения мер физического воздействия при производстве следственных действий рассмотренное положение конкретизировано только относительно производства принудительного обыска, так в ч. 14 ст. 182 УПК РФ, указано «Если в ходе обыска были предприняты попытки уничтожить или спрятать подлежащие изъятию предметы, документы или ценности, то об этом в протоколе делается соответствующая запись и указываются принятые меры». Несмотря на это возможность принудительного производства не исключается и по отношению к другим действиям в системе следственных

Посыл законодателя объясним, обыск обладает наибольшим принудительным потенциалом относительно всей системы следственных действий, также учитывая наибольший объем возможного ограничения прав участников, рассматриваемое положение весьма логично.

Однако, становится не совсем понятно, во-первых, необходимо ли при производстве иных следственных действий в случае применения мер принудительного воздействия делать соответствующую отметку или нет, во-вторых, в случае такой необходимости как подробно необходимо описывать все действия принудительного характера в протоколе соответствующего следственного действия. Полагаем в этой части процессуальное законодательство нуждается в усовершенствовании. Установление общего положения об обязательной отметке факта применения физической силы в протоколе соответствующего следственного действия не только обеспечит права участников следственного действия, но и станет гарантией для субъектов расследования от оговора о неправомерном применении мер физического воздействия.

Таким образом, считаем необходимым дополнить ст. 166 УПК РФ нормой следующего содержания: в каждом случае применения в ходе следственного действия мер физического воздействия в протоколе об этом делается запись и указываются принятые меры.

Еще одна гарантия обеспечения прав участников следственных действий, сопряженных с применением мер физического принуждения вытекает из положений об отводе лица ведущего расследование. Факт применения физического принуждения к обвиняемому (подозреваемому) в рамках производства следственного действия непосредственно должностным лицом в чьем производстве находится уголовное дело может стать самостоятельным основанием для его отвода от расследования уголовного дела.

Согласно ч. 2 ст. 61 «не могут участвовать в производстве по уголовному делу также в случаях, если имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе данного уголовного дела», вместе с тем положение не отличается своей конкретикой, понятие личной заинтересованности является оценочным и должно быть обосновано. Возникает справедливый вопрос каждый ли случай применения мер физического воздействия безоговорочно влечет за собой отвод от производства по уголовному делу лицо его ведущие. Полагаем, что нет.

Для возникновения личной заинтересованности уголовно-процессуальные правоотношения должны выйти из статуса формальных. Если обвиняемым (подозреваемым) было оказано противодействие и иными способами кроме применения к нему физической силы его преодолеть не удалось, но в момент непосредственно принуждения участник следственного действия подчинился органам расследования и не оказывал активного сопротивления вряд ли можно говорить о возникновении личной заинтересованности со стороны органов расследования, штатная ситуация в деятельности следователя (дознателя). Напротив, если при тех же исходных данных между обвиняемым (подозреваемым) и следователем (дознателем) возникает открытый конфликт, сопровождающийся оскорблениями и применением силы в отношении должностного лица, когда действия первого можно квалифицировать как правонарушение или преступление, а должностное лицо признать потерпевшим в конституционно-правовом смысле, в этом случае можно говорить о возникновении личной заинтересованности следователя(дознателя) в исходе уголовного дела, а следовательно и о возникновении основания для его отвода.

Следующий тезис, претендующий на норму-гарантию обеспечения прав участников следственного действия, сопряженных с применением физического принуждения, в законе не отражен, однако в науке уголовного судопроизводства неоднократно говорилось о необходимости введения судебного санкционирования применения принуждения при производстве следственных действий [2, с. 87]. Полагаем это положение сложно воплотить в практическую деятельность, так как применение принуждения чаще всего процедура незапланированная, необходимость в применении физической силы возникает внезапно и не терпит промедления, в связи с чем заранее предугадать или прервать следственное действие и получить судебную санкцию в большинстве случаев не представляется возможным.

Учитывая исключительность и кратковременность рассматриваемой процедуры полагаем наиболее правильным к числу гарантий отнести положение, представляющее собой последующий судебный контроль применения физического принуждения при производстве следственного действия, предусмотренное главой 16 УПК РФ

о возможности обжалования любого решения или действия органов расследования для оценки их законности.

В рамках исследования данная позиция подтверждается также результатами интервьюирования сотрудников прокуратуры Красноярского края, Омской области, Ханты-Мансийского автономного округа, проведенных в 2022–2023 гг. По результатам интервьюирования можно заключить, что практической необходимости в получении судебного санкционирования на применение мер физического воздействия не усматривается, напротив это может привести к возникновению проблем организационного характера: перегруженность судов, отсутствие потенциала успешного производства следственного действия, нерациональное распоряжение процессуальным сроком.

Недостаточность правового регулирования в этой части может негативно сказаться как на должном обеспечении прав участников уголовного судопроизводства, так и в целом на процессе доказывания, ситуации правового пробела болезненно воспринимаются правоприменителями, которые в сложившейся ситуации опасаются применять допустимые законом меры физического воздействия при производстве следственных действий, что негативно сказывается на процессе доказывания по уголовному делу.

Закон предусматривает нормы устанавливающие гарантии, обеспечивающие права участников следственных действий. Вместе с тем положения отражающие гарантии прав участников следственных действий, сопряжённых с использованием физического принуждения, учитывая сложность самой процедуры применения мер физического воздействия, априори ограничивающей конституционные права требуют усовершенствования в части их реализации в практической деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилов, Б. Я., Крымов, В. А. Уголовно-процессуальные правоотношения в досудебном производстве: учебное пособие. Москва : Академия управления МВД России, 2021. С. 27.
2. Лупинская, П. А. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. М., 1992. С. 87.
3. Молунова, Н. И. Порядок применения физического принуждения при производстве следственных действий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 4(36). С. 11–17.
4. Печников, Н.П. Процессуальные гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве: монография. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 120 с.
5. Резяпов, А. А. Применение уголовно-процессуального принуждения в отношении свидетелей при производстве по уголовным делам / А. А. Резяпов. Москва : Юрлитинформ, 2018. 184 с.
6. Стельмах, В. Ю. Применение принуждения при производстве следственных действий // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 199–202.
7. Строгович, М. С. Избранные труды: В 3 т. Т. 2. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. М., 1992. 278с.

REFERENCES

1. Gavrilov B.Ya., Krymov, V.A. Uголовно-processual'nye pravootnosheniya v dosudebnom proizvodstve: uchebnoe posobie [Criminal procedures in pre-trial proceedings: a training manual]. Moscow, 2021, 27 p.
2. Lupinskaya P.A. Garantii prav lichnosti v uголовnom sudoproizvodstve: uchebnoe posobie [Guarantees of personality rights in criminal proceedings]. Moscow, 1992, 87.
3. Molunova N. I. Poryadok primeneniya fizicheskogo prinuzhdeniya pri proizvodstve sledstvennyh deystvij [The procedure for applying physical coercion in the production of investigative actions]. Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 4 (36), pp. 11-17.
4. Pechnikov N.P. Processual'nye garantii prav i zakonnyh interesov lichnosti v uголовnom sudoproizvodstve: monografiya [Procedural guarantees of the rights and legitimate interests of the individual in criminal proceedings: monograph]. Tambov, 2007, 120 p.
5. Rezyapov A. A. Primenenie uголовно-processual'nogo prinuzhdeniya v otnoshenii svidetelej pri proizvodstve po uголовnym delam [The application of criminal procedure coercion in relation to witnesses in criminal proceedings]. Moscow, 2018, 184 p.
6. Stelmakh V. Yu. Primenenie prinuzhdeniya pri proizvodstve sledstvennyh deystvij [The application of coercion in the production of investigative actions]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestia of Tulgu. Economic and legal sciences. 2013, no. 2-2, pp. 199-202.
7. Strogovich M.S. Izbrannye trudy: V 3-h tomah. T. 2. Garantii prav lichnosti v uголовnom sudoproizvodstve [Selected works: in 3 volumes. T. 2. Guarantees of personality rights in criminal proceedings]. Moscow, 1992, 278 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Молунова Наталья Игоревна, преподаватель кафедры уголовного процесса. Сибирский юридический институт МВД России.
660131, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20.

Molunova Natalya Igorevna, lecturer at the Department of Criminal Procedure. Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
660131, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Rokossovsky str., 20.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 22.02.2024.